

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

НАБЕГ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т53

Толстой, Л.Н.

Т53 Набег / Л.Н. Толстой. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 196 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Льва Николаевича Толстого «Набег».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕКАБРИСТЫ.

(ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО)..... 5

ИСТОРИЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ29

НАБЕГ. РАССКАЗ ВОЛОНТЕРА38

ДЯДЕНЬКА ЖДАНОВ И КАВАЛЕР ЧЕРНОВ.....74

КАК УМИРАЮТ РУССКИЕ СОЛДАТЫ.

(ТРЕВОГА)78

ЗАПИСКИ МАРКЁРА85

РУБКА ЛЕСА.

РАССКАЗ ЮНКЕРА. 1852–1854..... 108

МЕТЕЛЬ 158

ДЕКАБРИСТЫ (ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО)

I

Спорное дело «о завлажении Пензенской губернии Краснослободского уезда помещиком, отставным гвардии поручиком, Иваном Апыхтиным, 4000 десятин земли у соседних казенных крестьян села Излегощи» было в первой инстанции, уездном суде, по ходатайству выборного от крестьян Ивана Миронова решено в пользу крестьян, и огромная дача земли, частью под лесами, частью же под пашнями, расчищенными крепостными Апыхтина, поступила в 1815 году во владение крестьян, и крестьяне в 1816 году посеяли эту землю и сняли с нее урожай. Выигрыш этого неправильного дела крестьянами удивил всех соседей и даже самих крестьян. Этот успех крестьян объяснялся только тем, что Иван Петрович Апыхтин, человек самый кроткий, смиренный и неохотник судиться, в этом деле уверенный в своей правоте, не принял никаких мер против действий крестьян. Иван же Миронов, поверенный крестьян, по ремеслу горшечник, сухой, горбоносый, грамотный мужик, бывший и головою и ходивший сборщиком податей, собрав с мужиков по пятьдесят копеек с души,

умно распределил эти деньги подарками и ловко вел все дело. Но тотчас же после решения уездного суда Апыхтин, увидав опасность, дал доверенность ловкому дельцу, вольноотпущенному Илье Митрофанову, подал апелляцию в Палату на решение уездного суда. Илья Митрофанов так ловко вел дело, что, несмотря на все происки поверенного крестьян Ивана Миронова, несмотря на значительные денежные подарки из собранной с крестьян по пятидесяти копеек с души суммы, розданные им членам Палаты, дело в губернии было перерешено в пользу помещика, и земля вновь должна была отойти от крестьян, о чем поверенному их и было объявлено. Поверенный Иван Миронов объявил на сходке крестьянам, что губернские господа потянули руку помещика и дело «всё спутали», так что землю опять хотят отобрать, но что дело помещика не выгорит, потому что у него уж прошение в Сенат написано, и есть такой человек, который обещал верно в Сенате все дело исправить, и что тогда уж землю навсегда закрепят за мужиками; только бы они теперь собрали еще по рублю с души. Крестьяне решили деньги собрать и опять приказать все дело Ивану Миронову. Собрав деньги, Миронов уехал в Петербург.

Когда в 1817 году на страстной — она приходилась поздно — пришло время пахать, излегощинские мужики на сходке стали толковать, пахать ли им в нынешнем году спорную землю, и, несмотря на то, что к ним постом еще приезжал от Апыхтина приказчик с приказом не пахать земли и сходиться с князем по согласию о посеянной ржи в бывшей спорной, а теперь апыхтинской земле, мужики именно потому, что у них было посеяно в спорной земле озимое и что Апыхтин о нем хотел, не желая их обидеть, с ними полю-

бовно сходитья, решили спорную землю пахать и захватывать прежде всякой другой земли.

В самый тот день, как мужики выехали пахать на Берестовскую дачу в чистый четверг, Иван Петрович Апыхтин, говевший на страстной неделе, поехал рано утром в церковь села Излегощи, куда он был прихожанин, и там, ничего не зная об этом, дружелюбно беседовал со старостой церковным. Иван Петрович исповедовался с вечера и дома слушал всенощную; поутру сам прочел правила и в восемь часов выехал из дому. К обедне его ждали. Стоя в алтаре, где он обыкновенно стаивал, Иван Петрович более размышлял, чем молился, и был за то недоволен собою. Он, как и многие люди того времени, да и всех времен, чувствовал себя в неясности относительно веры. Ему было уже за пятьдесят два года, он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения раз в году; он, говоря со своей единственной дочерью, наставлял ее в правилах веры; но если бы его спросили, точно ли он верит, он бы не знал, что ответить. И в особенности нынче он чувствовал себя размягченным и, стоя в алтаре, вместо того, чтобы молиться, думал о том, как странно все устроено на свете: вот он уже почти старик, говеет, может быть, сороковой раз в жизни, и вот он знает, что все, и домашние его и все вот в церкви, все смотрят на него как на образец, берут пример с него, и он чувствует себя обязанным показывать этот пример в отношении религии, а он сам ничего не знает, и вот, вот ему уже умирать придется, а, хоть убей его, он не знает, правда ли то, в чем он другим показывает пример. И странно ему и то было, как все считают, — он это видел, что старые люди тверды и знают, что нужно и что не нужно (так он всегда думал о стариках),

а вот он и стар и решительно не знает и так же легкомыслен, как он был двадцати лет; но только прежде он не скрывал, а теперь скрывает это. Как в детстве ему приходило в голову во время службы запеть петухом, так и теперь ему такие же глупости забегают в голову, а он, старик, степенно склоняется к земле, прикасаясь старыми косточками руки к плитам пола, и отец Василий, видимо, робеет служить при нем и возбуждаем к усердию его усердием. «А если бы он знал, какие глупости у меня в голове бродят? Но грех, грех, надо молиться», — сказал он себе, когда началась служба; и, вслушиваясь в смысл ектеньи, стал молиться. И действительно, скоро он перенесся чувством в молитву и стал вспоминать свои грехи и все, в чем он каялся.

Благовидный старик, плешивый, с густыми седыми волосами, в шубе с новой белой заплаткой на половине спины, ровно шагая вывернутыми лаптями, войдя в алтарь, поклонился ему низко, встряхнул волосами и прошел за алтарь ставить свечи. Это был церковный староста Иван Федотов, один из лучших мужиков села Излегощи. Иван Петрович знал его. Вид этого строгого, твердого лица навел Ивана Петровича на новый ход мыслей. Это был один из тех мужиков, которые хотели отнять у него землю, и один из лучших, один из редких богатых, семейных хлебопашцев, которым нужна была земля и которые умели с ней управиться и было чем. Его строгий вид, его степенный поклон, его равномерная походка, аккуратность его одежды — онучи, точно чулки, облипали его ноги, и обортки симметрично скрещивались как на той, так и на другой ноге, — весь его вид как будто выражал укор, враждебность на землю.

«Да, вот я просил прощенья у жены, у Маши (дочери), у няни, у Володи-камердинера, а вот у кого надо было просить прощенья и простить их», подумал Иван Петрович и решил попросить прощенья у Ивана Федотова после заутрени.

Так он и сделал.

* * *

В церкви было мало народа. Народ весь, по обычаю, отговел на первой и на четвертой неделе. Теперь же было только человек десять мужиков и баб, не успевших отговориться раньше, несколько старушек мужицких, причетников и дворовых апыхтинских и богатых соседей Чернышевых. Была тут старушка, родственница Чернышевых, жившая у них, и дьяконница-вдова, та самая, сына которой Чернышевы, по своей доброте, воспитали и вывели и люди и который служил теперь чиновником в Сенате. Между заутреней и обедней народу в церкви осталось еще меньше. Мужики и бабы вышли наружу. Оставались обе салоппницы, сидя в уголку беседовавшие между собою и поглядывавшие на Ивана Петровича с видимым желанием поздороваться с ним и поговорить, и два лакея: его лакей в ливрее и Чернышевский лакей, приехавший со старушкой. Эти оба тоже о чем-то оживленно шептались, в то время как Иван Петрович выходил из алтаря, и тотчас же, увидав его, почтительно замолкли. Еще была женщина в высокой кичке с бисерными наличниками и белой шубе, в которой она, закрывая кричавшего больно-го ребенка, старалась успокоить его; и еще сгорбленная старуха, тоже в кичке, но с шерстяными наличниками и белым

платком, завязанным по-старушечьи, и в сером чупруне с петушками на спине, которая, стоя на коленях посередине церкви и обращаясь к старому образу между решетчатых окон, на котором висело с красными концами новое полотенце, молилась так усердно, торжественно и страстно, что нельзя было не обратить на нее внимания. Не подходя еще к старосте, который, стоя у шкапчика, переминал остатки свеч в комок воска, Иван Петрович остановился посмотреть на эту молящуюся старуху. Старуха молилась очень хорошо. Она стояла на коленях так прямо, как только можно было стоять прямо по направлению к образу, все члены ее были математически симметричны, ноги сзади упирались носками лаптей в каменный пол под одним и тем же углом, тело было загнуто назад, насколько позволял горб спины, руки совершенно правильно сложены под животом, голова закинута назад, и лицо, с выражением стыдливой жалостливости, сморщенное, с тусклым взглядом, прямо обращено к иконе с полотенцем. Постояв неподвижно в таком положении минуту или меньше, но какое-то твердо определенное время, она, тяжело вздыхая, отнимала правую руку, с размахом заносила ее выше кички, дотрогиваясь сложенными перстами до темени, и так же широко клала крест на живот и на плечи, и, размахиваясь назад, опускалась головой на правильно положенные на землю руки, и опять поднималась и опять делала то же.

«Вот молится, — подумал, глядя на нее, Иван Петрович, — не так, как мы, грешные; вот вера, хоть я и знаю, что она молится на свой образец, или на свое полотенце, или свой убор на образе, как и все они. Но хорошо. Ну что ж? сказал